Текст · 31 марта 2022, 08:27
Елена Костюченко,

Херсон. Репортаж Елены Костюченко, который «Новая газета» удалила по требованию Роскомнадзора

Репортаж Елены Костюченко из Херсона вышел в «Новой газете» 26 марта — она рассказывала о жизни оккупированного города, похищениях митингующих и «секретной тюрьме». Через несколько дней редакция по требованию Роскомнадзора и Генпрокуратуры была вынуждена удалить материал-, поскольку изложенное расходится с официальной точкой зрения Минобороны. «Новой газете» пришлось подчиниться — более того, из-за предупреждений Роскомнадзора и угрозы закрытия редакция приняла решение приостановить работу. С разрешения автора «Медиазона» перепечатала репортаж Костюченко целиком — и без цензуры.

Как взяли город

Херсон был оккупирован российской армией 3 марта. Сначала город взяли в кольцо: были заняты окрестные села и аэродром Чернобаевка. Потом российские военные зашли в город.

Это единственный областной центр Украины за месяц войны, который взят и удерживается российской армией.

Как брали Херсон? «Глупость или предательство, возможно, и то и другое», — говорит бывший губернатор Херсонской области Андрей Гордеев.

— Значит, у нас есть четыре линии обороны. Первое — перешеек между Херсонской областью и Крымом, он весь полностью заминирован должен был быть. И мне, кстати, сказали, что за неделю до нападения его разминировали какого-то хера. Дальше — погранцы, но задача погранцов не вступать в бой, а увидеть факт агрессии, дать сигнал и отойти, отодвинуться и так далее. Потом уже идет наша оросительная система. Оросительная система — она проектировалась в Советском Союзе министерством обороны и министерством сельского хозяйства. Сама структура — как бы форма канала — не предусматривает его пересечения никаким видом транспорта. В любом случае это утруднение движения. То есть логика такая: взрываются мосты, они все останавливаются, и наша артиллерия просто херачит их, в остальном виде. Потом третья линия обороны — это уже сама речка Днепр. До последнего держится Днепр, мост антоновский, если что — он взрывается, и Херсон как бы вообще вне военных действий, моста нету, мы только охраняем линию воды. Хер его кто перейдет, тот Днепр. И последняя линия обороны — Каховский плацдарм. Идет эвакуация Новой Каховки, там выселяются люди, и держится каховский плацдарм. Там делаются редуты, капониры. На все это отводится сутки. Вот эти сутки нам надо было остановить их на входе. Не получилось.

Действующий губернатор Геннадий Лагута, со слов сослуживцев, в первый день войны положил ключи

на стол мэру со словами: «Я в этом не участвую» — и уехал из региона. Вместе с ним — в первый день войны — уехало руководство полиции, прокуратуры, суды, чуть позже эвакуировались сотрудники СБУ.

За Антоновский мост через Днепр бои шли два дня. Мост пытались подорвать дважды, по нему целились «Точкой-У». За другой мост Херсонской области — Генический автомобильный — отдал жизнь инженер отдельного батальона матрос Виталий Скакун, лично осуществивший подрыв.

Зеленский присвоил ему звание Героя Украины.

Колонна российских танков искала обходные пути — и, конечно, нашла.

Тероборона — подразделение вооруженных гражданских для охраны общественного порядка стратегических объектов, аналог народного ополчения — была организована в Херсонской области еще в 2016 году. По словам Андрея Гордеева, перед подразделением не было поставлено задач, и после того, как сменился военком, в тероборону записались многие военные пенсионеры — чтобы получать зарплату вместе с пенсией.

— Началась война, а у нас ни одного блокпоста нету, ни одного! Все хотят что-то делать, никто не знает, что делать. Никем никто не управляет. Я захожу к этому комбригу тероборoны, говорю: Дима, что такое? Даже карты Херсона у него не было на столе. Понимаешь? Добровольцы прибегали в течение дня, стояли около военкомата, не знали, что делать. К ним никто не выходил. В 7 часов вечера подвезли автобус,

и их увезли в село на Днепрянское, где должна была быть база теробороны.

В 7 утра того же дня было совещание по обороне области. Комбриг Ищенко говорит: ребята, война, мне нужно грузовик забрать оружие со склада к себе на базу. Те говорят: все хорошо, жди, сейчас будет. Он звонит в 8 утра — где мой грузовик? Говорят — подожди, сейчас будет. Якименко он звонил, замгубернатора по обороне. Звонит в 9 утра, звонит в 10 утра — подожди. А в 11 утра Якименко ему говорит — извини, обратись к мэру, потому что я вообще сейчас далеко, в эвакуации. То есть, это в то время, пока он обещал транспорт, он просто убегал с администрацией вместе.

В 11 утра комбриг уже понимает, что у него нету машины. И он случайно узнает, что едет машина с оружием в Алешки — догоняет 59-ю бригаду, которую там разбили. Он говорит: я ее останавливаю и скидываю с нее 660 автоматов с боекомплектами. И все, она поехала. Хорошо что хоть это взял, потому что машина не доехала, ее расхерачили на дамбе. И с этой машины выдают 400 автоматов в первый день добровольцам на Днепрянском. На Антоновском мосту идет бой. Надо взять под охрану мост — типа, все туда. И они пешком где-то километра три пошли, на этот Антоновский мост. Пришли туда, там ночь уже была, глухая ночь. По ним херачила авиация, они увидели кишки, и как деру дали все! Где-то половина автоматов вернули, половина так, без вести пропала. Как и люди. Ну в смысле где-то залегли на дно, забоялись.

Это было ночь с 24-го на 25-е.

В итоге у него осталось 220 автоматов. У Ищенко. Я им привез около 50 «мух»[1], тут же стоял автобус, погруженный с этими ребятами, кипеш такой. Мы пришли, багажник открыли, там «мухи» лежат. «Пацаны, можно у вас?». Комбриг говорит: «Да, возьмите». И мы, короче, половину «мух» им отдали. Они в целлофане. И там вот на кадрах [видео с погибшими бойцами тероборонs] есть: они так в целлофане и лежат.

И их комбат завозит их в автобусах с коктейлями с этими и мухами в Сиреневый парк. Чтобы предотвратить наступление русских со стороны Камышан. Если бы люди были чуть-чуть подготовленнее, то этой бы трагедии не произошло. Русские же рассчитывали на блицкриги, и, возможно, при сопротивлении они бы и разбежались. Но люди были просто мясо. За идею. Только в Сиреневом парке погибло 36 ребят. Их расстреляли из пулеметов. Батюшка наш херсонский похоронил 67 ребят из тероборонs, неопознанных, сам. Они просто, как собаки, на 20 сантиметрах вот так глиной присыпаны, без гробов, без ничего! Вот батюшка их всех пофотографировал, нумерацию сделал, сделал в телеграмме закрытый чат. Победим, говорит, потом будем их всех доставать.

Сиреневый парк. Деревья повреждены пулеметным огнем. Место гибели 36 человек из тероборонs Херсона. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Херсонский журналист Константин Рыженко рассказывает:

— Заместитель главы облсовета просто публиковал такие типа веселые публикации о том, что все будет хорошо. И люди были в полной уверенности, что у нас есть территориальная оборона, что у военных есть какой-то хитрый план, что мы сейчас вот их заманим на какие-то ключевые подходы, закидаем коктейлями Молотова, потом из-за какого-то угла выглянут наши военные, расстреляют всех артиллерией и еще где-то тероборона с автоматами добьет тех, кто смог выжить. Ну, такая как бы эйфория у людей, которые реально не были на войне. Я тоже в какой-то мере в это верил, потому что я смотрю на опыт других городов. Там они притащили шины, мешки с песком, там, как-то держатся. Видно, что оказывают сопротивление. Я такой думаю: «Класс, а мы тоже!». А в итоге оказалось, что тероборона собрала всего лишь 200 человек, в первый же день вывезли их куда-то, еще даже враг не перешел мост, дали им один автомат на пять человек, жменю патронов, и все, сказали: «Сидите, ждите». Ничего не происходило. Им там какие-то физические упражнения дают, чуть ли не отжимания и бег. Потом они сутки там просидели, приехали эти военные, говорят: «Слушайте, давайте, уходите домой». Потом через два дня сказали: «Возвращайтесь».

Приехала одна маршрутка. 20 человек поместилось. Всем остальным сказали: «Все, идите домой».

Это было неофициальное народное ополчение. Людям сказали: «Идите домой», люди поняли, услышали это как «мы сдаем город» и решили,

что хрен вам, а не сдача города. Вот как-то типа самоорганизовались. И погибли.

Город

В облсовете, стоящем на площади Свободы, разместилась «военная комендатура» города. Имени военного коменданта херсонцам не сообщали. В местных телеграм-каналах гуляет не подписанное никем распоряжение о комендантском часе и запрете митингов. Гражданскую власть в городе олицетворяет мэр Игорь Колыхаев, по сути он исполняет обязанности губернатора. Я встретила мэра в горсовете. «Не до интервью. Мы под оккупацией, вы должны понимать. Город Херсон находится в украинской юрисдикции. Моя задача номер один — чтобы город жил. С их стороны никаких требований не поступало. С моей стороны — чтобы оружие и военная техника не ездила через город, чтобы не воровали людей, активистов, которые живут в городе». Горсовет, принадлежащий украинским властям, и облсовет, занятый россиянами, находятся на одной улице — центральной, Ушакова. Между ними — 500 метров.

Противотанковые ежи на площади Свободы. За ними — здание Облсовета, занятое российскими военными. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Херсонский областной совет принял обращение, в котором объявил, что ХНР — Херсонской народной республики по типу ЛНР и ДНР — не возникнет. «Депутаты Херсонского областного совета VIII созыва никогда не признают попыток создать на территории Херсонщины "народную республику" и заграбастать часть Украины». Заместитель облсовета Юрий Соболевский объяснил, что так как здание облсовета занято российскими военными, голосовали в зуме, но подключиться смогли лишь 50 человек из 64. 44 проголосовали против ХНР.

Над покинутыми зданиями СБУ и полиции — российские флаги.

Комендантский час с 20 до 6.

Двухчасовые очереди к банкоматам.

Троллейбусы ходят бесплатно.

Бензина и газа в городе нет, но осталась солярка.

На третий день оккупации в Херсонской области включили российские телеканалы. Украинское телевидение сохранилось у тех, кто подключен к антенне напрямую, без приставки. Городские СМИ фактически прекратили работу. Город берет информацию из телеграм-каналов.

Херсонцы в очереди за хлебом. Батон стоит 25 гривен (86 рублей). Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Херсон живет без полиции. Руководство полиции выехало из Херсона в первый день войны, рядовым полицейским предложили переодеться в гражданскую одежду и эвакуироваться самостоятельно.

Обязанности полиции исполняет муниципальная охрана и самоорганизованные добровольцы.

Артур[2], глава обороны одного из районов, рассказывает:

— Мы установили всем программу *Zello* — это радиостанция, которая работает через мобильный интернет. Сделали общий чат — чаты у нас не секретные, открытые — мы не скрываем, что мы помогаем людям, несем общественный порядок. Организуемся с привязкой к месту жительства. Часто люди даже сидят и наблюдают дома — видят, у кого есть угроза, а у кого нет. Сразу же связываются с ближайшими, кто находится в патруле. В зависимости от события, мы подтягиваемся и решаем на месте. Если это мародерство, чаще всего просто проводим воспитательную работу и привязываем к столбу на некоторое время. Скотчем привязываем. Стараемся пресекать кражи, мародерство, бытовые вопросы. Сегодня, например, тоже выезжали на случай: получается, начали в одном доме дебоширить, подняли на уши весь дом. Сегодня с утра приехали к ним, провели профилактическую беседу.

Мародерство, появившееся в первые два дня после входа россиян в город, сейчас практически исчезло. Успели разграбить самый большой ТЦ «Фабрика» (он попал под артобстрел), магазин техники «Цитрус»,

несколько продуктовых. Супермаркеты «Гринлайн» и «Сельпо», чтобы не стать жертвами мародеров, открыли свои двери сами.

На улицах стоят сгоревшие машины — их некому убрать.

Метровую дыру в доме 2 по улице Тарле заделывают металлической заплаткой. Рядом — вывернутый карман балкона. Стекла густо усыпали землю со всех сторон дома. Дома по улице Тарле приняли на себя первый артудар вступающей в город армии.

Метровую дыру в доме 2 по улице Тарле заделывают металлической заплаткой. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Александра Павловна Казначеева только что получила гуманитарку — 10 батонов на дом. На каждом батоне — бумажка с номером квартиры, раздать жильцам. На столе расставлены цветы, сброшенные с подоконников взрывом. Цветы удалось реанимировать. «Ну, ладно, я понимаю, когда Гитлер, там у них фашисты, иностранцы, ну, в общем, это совсем другое по сравнению... Я лично не могу подобрать ни одного слова, чтобы назвать этого человека даже не то что дьяволом, я не знаю. У меня слов нет, нет. Взять оборвать всю радость жизни!» — говорит Алексанра Павловна и плачет в кулачок. На слезы она дает себе не больше минуты, вот и нет слез.

— А бомбить начали, знаете, до обеда еще. Потому что я стояла тут напротив столешницы.

Никто не ожидал, а я тем более! Я не знаю, какой пулей я залетела в ванную. Сидела, когда слышу, стекла — сыпятся стекла.

Оно ж и к нам попало, во второй дом, и в четвертый дом в торец влетел снаряд. А взрывной волной зацепило сильно все первые и вторые этажи.

Я уже слышу — тихо. Я открыла дверь, вышла, смотрю — мои цветы лежат на полу, стекла лежат здесь и туда посыпались. Два таких большущих взрыва, получилось, что попало к нам. Когда я вышла, то уже стекол не было в моей квартире нигде.

Александра Павловна Казначеева с гуманитарной помощью. На каждом батоне записка с номером квартиры или именем — кому передать. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

А в шестой квартире — напротив моей — бабка сидела на кухне, вот это ее спасло. Эта бабка начала кричать страшно. Там, в общем, было истерически... А дверь входная была закрыта, там дверь хорошая такая, мощная, что так не вывалило ее. Мы бабушку не могли через дверь даже вытащить. Мы ее вытаскивали через балкон, через дыру, где был балкон. Вызвали скорую. Она там была и в крови, закровавленная. Наверное, осколки полетели в нее, порезалась. Спросили: «Никого в доме нет?» Она сказала — ну, видно, в шоке, 82 года: «Нема никого». Ну, нема та и нема. А

на второй день — звонок. Я подымаю трубку, звонит командир ее внука, который воюет. Говорит: ваш сосед разыскивает свою жену. Я говорю: «Так были сведения, что она уехала в село к родителям вроде бы. Тут бабка была одна». Вот так вот и рассказала ему. А оказывается, она лежала там, ее плитами накрыло, она... Все это вывалилось на нее! Вот это вот видите блок? Дверь балконная и вот это большое окно. Вот эта вся масса ее накрыла. Холодильники попадали, шкафы, все это упало и привалило ее. Так что там даже если бы сразу... Когда уже нашли, то у нее рассеченное было сильно лицо. Вероятно, ее сразу убило.

Таня Ермолаева, 29 лет. Норовистая такая была! А бабушка раненная — Валентина Васильевна Хмельницкая, ей 82 года. Ее внука Саша зовут, он сейчас под Луганском. Вот и вся их семья.

Дом 4 по улице Тарле, Херсон. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Блокада

Город фактически находится в блокаде. Российские военные контролируют все выезды из города.

Самая острая проблема — лекарства. В аптеках нет сердечных, гипотензивных лекарств. Исчез «Л-тироксин», который пожизненно необходим людям, у которых не функционирует щитовидная

железа — его сейчас невозможно купить на территории всей Украины. Инсулин в город смогли доставить «контрабандными каналами» — его раздали по больницам. На аптеках висит список отсутствующих лекарств — в нем 40-50 позиций. В основном, это препараты, которые принимаются постоянно.

Нет препаратов для химиотерапии.

Нет психотропных препаратов.

Главврач Херсонской городской больницы имени Карабелеша Алла Павловна Малицкая говорит:

— В каждом лечебном учреждении запас препаратов еще есть. Мы всегда стараемся, чтобы у нас была 1-3 месячная норма в запасе. Остро-госпитальная группа препаратов не стоит на повестке, а стоит амбулаторная группа — из-за того, что ряд аптек позакрывался, из-за того, что были разграблены аптеки, из-за того, что возникла паника, люди стали выбирать лекарства на полгода и больше. Большая проблема с онкологическими группами лекарств, то есть теми, которые заказывались из центральных складов, из федеральных аптек — они в основном в Киеве, может быть, в Днепропетровске, какая-то часть в Николаеве. Но в связи с тем, что мы сейчас не имеем никакой логистики, мы оказались оторваны. Что касается инсулинов, то на 2-3 недели мы обеспечим нуждающихся, а дальше мы думаем, что будет дальше. Каждый день сокращает этот интервал. Переживаем, что со временем закончатся у нас предметы ухода, то есть памперсы, калоприемники. Потому что у нас был запас небольшой, более того, мы повыигрывали

тендерные процедуры, но мы не выкупали, потому что нам доставлялось по мере необходимости. Сейчас будет проблема с расходниками на диализы, и я знаю, что много медицинских центров Украины перешло на двухразовый диализ. Раньше был не менее 3 раз. А это качество жизни людей, да и сама жизнь в конце концов. Диализных расходников у нас осталось на три недели.

— У нас при больнице шесть поликлиник — три детских и три взрослых, — говорит главврач больницы имени Тропиных Леонид Тимофеевич Ремыга. — Но вот выписать рецепт, чтобы получить лекарство — это проблема. Аптечная сеть — розница — она практически пустая. Крем, мазь, витамины.

Леонид Тимофеевич рассказывает о беседах с оккупационными властями. «В первый день у нам приехал российский капитан с двумя автоматчиками и больным бойцом, и первое условие было — снимите флаг. Мы сказали, что не снимем. Он сказал: разрешаю оставить так до вечера, вечером приеду, чтоб не было. И он до сих пор висит. Этот капитан провел методичку. Знаете, какая методичка? Ну, что мы освободители, вас освободим, то и се. Здесь будет все хорошо. Говорю им: давайте, больного своего забирайте уже, мы его обследовали, пневмония. Потом приезжал еще, как он представился, начальник медицинской службы южной группировки войск... Ну, врач. «Нам надо заправить кислород». Я говорю, вы у нас не сможете заправить кислород. Уехал. На следующий день снова приехал: надо разместить персонал военного госпиталя. Я говорю: простите, нет. На следующий день никто не приехал».

— Оккупационные власти предлагали гуманитарную помощь. Приходили в больницу и спрашивали, — рассказывает Алла Павловна. — Я сказала, что нам не нужно. Существует статья УК, которая влечет наказание за сотрудничество с оккупационными войсками. Мы не должны с ними сотрудничать. И если бы не было закона — я бы все равно не согласилась с ними сотрудничать. Я очень надеюсь, что нам не нужно будет ждать чьей-то помощи, что помощь от своих будет своевременной и достаточной. Вчера завернули гумконвой, чем это объясняют? Люди выходят на митинги, весь город. У нашей сотрудницы пропал сын. Он футбольный болельщик, кричал кричалки про Путина. Андрей Соловей, 23 года. Пропал, она уже несколько дней молчит, связи с ним нет. Говорят, его из дома забрали 11 марта. Его мама на работу не может ходить, лежит. Не общается ни с кем, боится. Я гастроэнтеролог. До 2014 году ездила в Москву, в Санкт-Петербург на конференции. Общалась там с врачами. После Крыма я не могла больше ездить. У меня умер отец в Крыму в 2015 году, и чтобы облегчить финансовую нагрузку маме, я заказала памятник для папы здесь, в Херсоне. Я потом не могла завезти его в Россию, трижды. Украинская таможня пропускала меня с памятником, а Россия требовала либо чтобы я заплатила пошлину в четыре тысячи евро за него, либо еще что-то. Это нечеловеческое унижение. Отец лежит там, в Крыму. Маму я похоронила уже здесь.

Цены на продукты поднялись примерно в два раза, на яйца — в три раза. На полках крупных супермаркетов остались «праздничные», дорогие продукты — имбирные пряники, хамон, бри, замороженная семга. Нет крупы, макарон, хлеба, сахара, от них остались

лишь объявления — «не более 1 кг в одни руки». На рынках можно найти все, но дороже. Неделю назад возобновила работу оптовая база под селом Большие Копани, и в город стали завозить овощи. Частные пекарни пекут хлеб — цена на батон достигает 25 гривен[3].

Чернобаевская птицефабрика, находящаяся в селе Восточное, в результате боевых действий осталась без электричества, воды и кормов. Все птичье поголовье — 3 миллиона кур — раздали бесплатно. Кур перевозили черед блокпосты, разгружали у 90-й колонии и на частных машинах перевозили в город. Говорят, в холодильнике у каждого херсонца побывала чернобаевская курица.

Сгоревший автомобиль на улице Херсона. Некому убирать. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

На поиск еды на день уходит 2-3 часа.

У вокзала каждый день собираются за гуманитарной помощью. Помощь российская — украинскую в город не пропускают. Сегодня очередь вялая — уже объявили, что гуманитарки не будет, но тридцать человек остались стоять «на всякий случай». Стояли с 6 утра.

Подходит совсем юный парень, что-то тихо говорит одной из женщин.

— Я, молодой человек, стою, потому что нуждаюсь! А вы зачем пришли?

— Заблокировали вчера фуру россияне ваши с гуманитарной помощью! — говорит парень. — Она ехала на Херсон, они сказали: уезжайте, у нас своя гуманитарка. Они сами организовывают катастрофу гуманитарную, а потом — ой, какие мы молодцы, мы спасители, раздаем бедным людям еду. Мы молодцы какие, спасаем вас от себя!

— Вы тут не пропагандируйте! — влезает женщина в рваной жилетке.

— Приехала машина, стоит. Фотограф проехал, пофотографировал, что они раздают помощь, и сколько людей стоит за помощью. Они хотят фотографиями показать, что мы ждали русских. А мы не ждали русских, мы ждали наших!

— Вот где мне брать еду? — говорит женщина.

— Ищите по городу, есть наши, украинские волонтеры! — говорит парень. — Я сам не помню адресов...

— Так ты приходи с адресами!

— Да просто жопа горит от вас! — отворачивается парень. — Как с вами разговаривать?

Рынок. Неделю назад возобновила работу оптовая база под селом Великие Копани, и в город стали завозить овощи. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

— Благодарим за помощь, приехали и раздают еду бесплатно, — говорит женщина в рваной жилетке.
— У нас магазины или закрытые, или пустые. А на рынке все есть. 4-го военные планировали раздавать на Площади Свободы. Начали раздавать — поднялся митинг наших украинцев. Когда я добралась — они уже отчаливали, на площади валялось несколько банок разбитых тушенки, ее собаки слизывали. Кто там в кого кидался, я не видела.

— Такой молоденький мальчик со старшими людьми в таком тоне.

— С нами общался русский офицер, причем довольно культурно, спокойно. Обещал автобусы. Говорил, мы с вами не воюем, мы воюем с националистами. Нам не нужен ваш Херсон, он как был украинским, так и останется. Мы воюем с националистами, чтобы свергнуть вашу власть, навести порядок.

— За 30 лет нету ни одного хозяина, одни воры.

— Да слава богу, что они пришли. Вот сколько там Путин?

— 22 года.

— Вот с этими будет порядок. Американцы фабрики всякие разрабатывают, ковиды. В Херсоне сколько лабораторий, они же нас уничтожают. Ковид вы думаете откуда, оттуда? Это от нас. 30 лабораторий по Украине.

— С Уханя ковид пришел!

— Да у меня соседка работала в лаборатории, в Херсоне, так ее всю раздуло, и ноги раздуло!

Некоторое время все ожесточенно спорят, может ли быть коронавирус тем самым биологическим оружием, которое, по сообщениям российского телевидения, разрабатывают биолаборатории в Украине.

— Украина — это вторая Швейцария. Только чтобы хозяин был, а не воры.

— Если эти не свергнут, то останутся, как были, воры.

— Вот мы стояли возле Юбилейного, русские военные выдавали консервы, там, конечно, очередь была. Около 1000 человек было. Говорят: ваш мэр не дает разрешения выдавать людям продукты. А что делать?

— А Красный крест не дает, потому что люди начали наглеть, по 3 раза в очереди стоят, а потом выносят на базар.

— Наши люди голодают!

— Вот кто учил коктейли Молотова в них кидать? Ты не провоцируй! Их не трогай — и они не тронут. Хуже уж навряд ли будет. И так можно жить.

Погибшие

Когда говорят о погибших, в администрации города обозначают — есть «примерно триста тел» погибших

в городской черте. Глава Херсонского областного бюро Наталья Николаевна Филенко говорит, что цифру можно считать верной, но по области погибших — гораздо больше. Сводных данных по погибшим просто нет. Приказ министерства здравоохранения от 9 марта упростил выдачу тел для захоронения в условиях войны. Сейчас тела можно выдавать с медицинской справкой о смерти, которую может выдать любой врач, без направления на судмедэкспертизу. В условиях оккупации и боевых действий тела часто хоронят самостоятельно, «на местах».

— С Антоновского моста нам привезли не больше 10 человек, а сколько там полегло народу. С Сиреневого парка у нас одно тело, но у нас нет ни общего числа погибших, ни имен — там батюшка и местные просто их собрали, где-то прикопали и все. Одного из них жена опознала, и вот она перезахоронила — с именем.

Сейчас же знаете, как захоранивают? Люди приходят сюда. Они видят покойника, они приносят вещи. Здесь наши санитары укладывают в гроб, родственники прощаются... И тело отправляют на машине. Родственники на кладбище не едут. Почему? Потому что там блокпосты. Могильщики им фото могилок присылают потом. 16 марта машина коммунальной службы забрала покойников, а их обстреляли из оружия. Так вот ребята, которые везли этих покойников, они лежали в кюветах, пережидая, пока это... Машины пришли без стекол, без ничего. Потом позаклеивали эти стекла. Они даже видят, что траурный транспорт, и то умудряются все это дело обстреливать. Ну что, один день не хоронили никого. Потом опять начали потихонечку возить.

Некоторые тела очень повреждены, разрушены. Много обгоревших. Две трети тел у нас идут неопознанными. Меня просят: «Пришлите фото, чтобы опознать». Я всегда прошу: «Мамам, женам не показывайте!». Эти фотографии я присылаю только мужчинам, и то прошу сразу их удалять.

Херсонское областное бюро судмедэкспертизы. Мест в холодильниках не хватает, тела лежат на полу. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Две трети — без имен. Те первые дни, которые были тогда бои, их же ж некоторых прямо колоннах разбивали, сонными — это ж ночные удары были по воинским частям. Это же очень много обгоревших. У нас вот был обстрел Антоновского моста, и долетало

до Антоновки. И принесла мама, собрала в одеяло, сказала: это мой сын. А когда пошли ребята на вскрытие, там оказались фрагменты от двух тел. Поэтому, понимаете, о чем-то сейчас конкретно говорить — ну, как?

Мы берем образцы ДНК. Но у нас нет ДНК-лаборатории в городе. Ближайшая в Николаеве, мы отрезаны.

Тела россиян к нам, слава богу, не поступали.

Вот как доставать тела? Люди звонят, указывают место: «Там вот наш сын». Я говорю: «Я понимаю все, но у меня нет ни транспорта туда отправить людей, и я не могу рисковать людьми, когда там идут обстрелы. Я уже никак не помогу вашему сыну, если вам уже сказали, что он там лежит мертвый, понимаете? Я не могу рисковать живыми людьми». Только спустя неделю привезли, когда чуть стихли обстрелы. Достали из-под танка. А они же разлагаются. Они лежат у нас в мешках, вы ж понимаете? Люди говорят: «Ну это ж холодильник». Холодильник — это ж не заморозка. Это ж не морозильные камеры. Положите кусок мяса в обычный холодильник. Когда он у вас испортится? А это тело.

У нас вот новое здание, там просто сейчас еще что-то холодно. И мы частично используем территорию вот этого здания для хранения тел. Поэтому тоже на полах, благо, что холодно. Бетонный пол. И поэтому ребята наши, санитары, расстелили одеяла, брезент, все, что было. И вот там вот... Но они все равно в пакетах.

Вот у нас не хватает вот этих черных пакетов. Мы обратились в больницы, нам помогли — сбросили немножко, кто мог. И вот коммунальная служба тоже выделит. Мы всех хороним в пакетах. Кто может и у кого есть деньги, те покупают гробы, и пока они есть. А сейчас и гробы заканчиваются. Некоторые приезжают, чем обили, тем и обили — два-три лоскутка разных по цвету.

Время страшное очень. Противно все это. Людей жалко очень. Они не виноваты. Вот бабушка у нас есть одна. Мальчик ее погиб, сам из Винницкой области. «Не ховайте его!» Мы его держим, буквально с первых дней у нас этот мальчик лежит. «Вы не ховайте его, мы за ним прилетим». И она морочит голову всем! Я говорю: «Вы знаете, мальчику этому уже никто не поможет, а если вы голову сложите, кому это надо? Вы думайте про живых, пожалуйста».

А все вместе это категория — «лица, которые погибли от военных действий». Там есть и пулевые, там есть и минно-взрывные... Гражданскую машину расстреляли в ночь с 24 на 25-е у Каховской ГЭС. Погибшие — мальчик, ему три месяца, его сестра 2015 года. И трое взрослых — женщина 1966-го, мужчина — 1965-й, и еще одна женщина — 1995-го года рождения. Они все с одной фамилией, семья.

Тяжело. Общаюсь с родственниками погибших и ЗСУшников, и мирных... Потом иду в душ и реву. Вечером это уже моцион такой — выплакаться, но утром — опять на работу. Ну, а что делать? Надо делать эту работу.

Было бы лучше, если бы все ушли. Вот как они пришли, так бы они тихонечко ночью и ушли. Но я так понимаю, это еще не финиш.

Облсовет

У бокового входа Облсовета техника с белыми Z на боках, пулеметные гнезда из бетонных блоков.

Расслабленные военные. Руки лежат на калашах. Маски спущены.

К военным подходит женщина.

— Гуманитарную помощь вы выдаете?

— Сегодня не будет.

— Сегодня не будет, а когда будет?

— Никто не знает. Вы каждый день приходите. Часов в девять утра, в десять. И спрашивать. Это самый оптимальный вариант.

За ней подходит девушка с косичкой.

— Я спросить про лекарства. Нам просто очень нужен «Л-тироксин». У нас в доме двое человек принимают регулярно, у них удалена щитовидная железа, понимаете? Как бы если они не будут принимать, они умрут. Вот с кем можно поговорить на эту тему?

— Сейчас я спрошу, может быть, кто-то что-то знает,
— отвечает боец и уходит говорить по рации.

— Спасибо большое!

Российские военные перед зданием Херсонского Облсовета. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Бабушка с большой сумкой топчется и говорит в телефон. Боец предлагает ей стул, она присаживается и тараторит: «Ждали, листовая очередь была. Мне так не досталось. Что там раздавали? Тоже. Мужики стояли, одни мужики. Сколько дней ты отстояла? Как нам теперь? А солдаты говорят — им мэр, мэр запретил! Мэр запретил гуманитарку раздавать! Что не нуждаемся мы! А что ты за мэр?! Как ты мэр? Встань, накорми людей! Че ты не накормишь людей?».

— Это шо такой мэр хороший или шо? — спрашивает боец.

— Тогда нафиг он нужен? — бушует бабушка.

Бойцы кивают, смеются.

— А вы далеко живете, да?

— Да я в Южном поселке. Это пешком.

— Приходите завтра.

— Гуманитарку не доставляли сегодня?

— Не-а. А вчера раздавали. Возле Антоновки или на Острове. Я точно не могу сказать.

— Вы тут надолго? — спрашивает девушка военного.

— Не знаю. Если честно, я не думаю, что будет хуже. Я так думаю.

— Хуже чем сейчас?

— Не будет, я думаю.

— Умные люди здеся, да? — говорит бабушка.

— Здесь мало нехороших людей, — отвечает боец. — Поэтому все так тихо-мирно.

— В Мариуполе вон людей не выпускают, поэтому все так, — продолжает второй боец.

— Ну, Мариуполь и прикрывается мирными жителями, — говорит бабушка.

Женщина подходит тихо, спрашивает — как записаться на Крым? На выезд из Херсона в Крым записывают в здание Обладминистрации.

— Будет, там раз в два-три дня колонна едет с сопровождением, — консультирует ее военный. — То есть вас могут отвезти, если у вас нет своей машины. Если на своей машине, то там другая процедура.

— Я вам давала иконы? — спрашивает бабушка бойцов.

— Мне не давали. Там уж кому-то давали. Мне — нет.

— Вам дать?

— Давайте.

— «Достойно есть», — протягивает ламинированную иконку с Богородицей и младенцем со свитком в руке. — У меня еще есть икона царской семьи. Мучеников наших. Дать вам?

— Давайте, у нас есть один любитель этой темы . Спасибо.

— А это моя любимая икона — «Нерушимая стена». А еще икона есть Державная. Это российская икона, называется «Державная». Когда царскую семью замучили, скипетр приняла Божья матерь. Она сейчас и руководит всем этим. Ну... все по воле божьей. Правда?

— А как иначе? — отвечает боец.

— А как вы вообще вот себя ощущаете? — спрашивает девушка. — Вот вы зашли как бы в город, все равно это как оккупация считается. Вот как вы себя чувствуете?

— Я не чувствую себя оккупированной, — говорит бабушка.

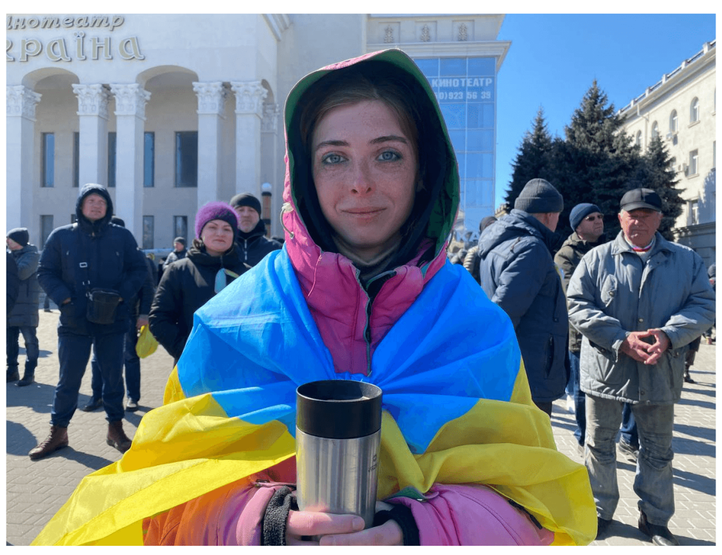
— Спокойно. Спокойно. Не чувствуется, что вам плохо. А морально чувствуется... Мы же ничего плохого никому не делаем. Если бы я что-то плохое делал, может быть, меня бы это напрягало.

— Ну вот вы же все равно, когда сюда шли, там, ЗСУ защищало и вы там их убивали, получается.

— Я никого не убил.

— Откуда вы знаете?

— Я чувствую внутри, что не убил.

Участница мирного митинга на площади Свободы, Херсон. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

— Девушка, да здесь никто никому не мешал, — говорит его напарник.

— Не защищали город?

— Здесь все уже уехали давно. Вы еще не знали, что что-то будет, а они уже уехали. За неделю.

— У вас красивый город, — говорит боец девушке. — Но холодно. Я думал уже тут давно тепло.

— А уже я видела одуванчики цветут! — говорит бабушка. — Ничего, сейчас эта неделька, а то потом мы из сапог — сразу в босоножки.

— Да сейчас все наладится. Надо перетерпеть. Жизнь наладится, все откроют. И вас же никто не трогает.

— А людей по квартирам рыщут, забирают.

— Да? Не верьте тому, что говорят. Вот вы видите в городе, что там, кто там? Понимаете, это пропаганда. Вот мародерство ваше. Ни один военный туда не влезет. Сначала мы их не трогали, потом начали разгонять мародеров. Просто, понимаете, легче списать на нас... Что от русских все беды.

— Вы вот когда в армию шли, вот вы думали вообще, что вы можете в другой стране оказаться, например?

— Конечно.

— У вас же министерство обороны. Оно потому и обороны, что обороняет страну от чужих, как бы, а не ходит в другие страны.

— Девушка, а вы, простите, а вы не из Тель-Авива? — спрашивает бабушка.

Военные смеются.

— Нет.

— Не с Иерусалима?

— У меня нету никого знакомых в Израиле! — девушка отступает назад.

— Да спрятано ваше лекарство где-то! У предпринимателей. Просто им не разрешает, я думаю, местная власть открывать все эти аптеки. По-любому, там же ведь запасы есть. Понимаете, что задача мэра — настраивать против русских.

— Так а почему его не это? Не потрясут? — спрашивает бабушка.

— Ну, официально он же мэр, — говорит военный. — Вы его и трясите.

Похищения

Олегу Батурину 43 года. Он журналист, работает в газете «Новый день». Специализируется на расследованиях коррупции. Он живет в Каховке — городке в 80 километрах от Херсона. В городе его знает каждый.

12 марта его похитили.

— Я некоторых вещей рассказывать не буду, потому что я все-таки на оккупированных территориях, поймите меня правильно. То, что я считаю возможным вам рассказать — я расскажу.

Олег Батурин, переживший похищение, показывает следы от наручников и избиения

В прошлую субботу мне где-то в районе 12-13 часов дня с неизвестного номера раздался звонок. Это звонил знакомый мой, Сергей Цигипа, из Новой Каховки. Он ветеран АТО, активист, блогер. Я потом понял, что в момент звонка он был уже похищен. Он нормальным голосом сказал:

«Мне нужно с тобой срочно встретиться. Давай я придумаю, как мне добраться в Каховку, это 12-15 километров, и мы там с тобой встретимся. Давай на какой-то простой, доступной локации, например, на автостанции». Конечно, можно было заподозрить неладное, избежать этой встречи. Я пошел без документов, без телефонов, то есть при мне не было ничего, кроме личных вещей — платка, перчаток. Было пять вечера. Только я успел выглянуть, его нету, стоит только какой-то бусик. Я отхожу, и тут из этого бусика на меня выскакивают хорошо тренированные люди. Успел краем глаза увидеть, что они в бронежилетах, похоже отдаленно на человечков в Крыму, экипировка явно военная. Начали кричать: «Падай на асфальт, на колени», начали заламывать руки очень резко, надевать наручники, катать по асфальту, спрашивать, как зовут, «где твои документы, где твой телефон». Очень их взбесило, что у меня ничего с собой не было, они все проверили очень жестко. Я им назвал вначале первое пришедшее в голову имя, они сказали — ты врешь. После этого меня кинули на пол этого бусика, поставили мне ноги на спину, ногами меня жестко и автоматом тоже по спине. У меня куртка была достаточно плотная, он сглаживала.

У них были закрытые лица. Открыты только глаза чуть-чуть, но это я успел увидеть только краем глаза. Я их мог видеть только урывками, потому что все время, когда они со мной общались, они заставляли меня низко наклонять голову, надевать капюшон или наматывали на капюшон скотч очень туго, чтобы он не мог слететь. Я не мог их идентифицировать, я не видел их лиц. Они говорили на русском, и это явно были россияне, это было очевидно. Украинских

войск в Херсонской области нет, и полиции нашей нет, поэтому кто еще мог меня выкрасть.

Я наши дороги знаю, где железнодорожные пути, где какие повороты, и по моим ощущениям они меня везли в город Новая Каховка. Меня отвезли в здание Новокаховского Городского Совета. Меня начали допрашивать: имя, фамилия, дата рождения, место проживания, место работы, вот ты журналист, зачем ты пишешь про... Меня про каких-то националистов спрашивали, знаю ли я каких-то националистов местных, про митинги, которые проходили в нашем регионе. После этого меня и нескольких человек отвезли в здание полиции, недалеко от центра города, и об этом я тоже не хочу говорить. То, что еще какие-то задержанные люди вместе со мной, я ощутил только тогда, когда из здания Совета нас повезли в здание полиции. Там тоже был допрос, и там других тоже допрашивали. Потом меня и других приковали наручниками к батарее, и до утра я там сидел. Они били ногами и прикладами автоматов. Не били по голове, к счастью. По ногам, по спине, по бокам, но куртка сглаживала удары. По ногам было больнее. Очень сильно затягивали наручники, у меня были очень сильно опухшие руки, и до сих пор остались шрамы. Постоянно угрожали убийством. В воскресенье утром это было, наверно, самое страшное время. И когда нас опять повезли, я думал — везут в поле, расстреливать. Я мысленно попрощался с семьей.

В воскресенье меня и нескольких человек привезли в здание Херсонской областной администрации. Я спросил того, кто меня допрашивал — могу ли я вас спросить, где я нахожусь, не в Херсоне ли

я. Мне сказали — да, в Херсоне. Их интересовали организаторы митингов везде, и интересовали люди, которые ведут телеграм-каналы. Я не видел, с кем я разговариваю. У меня были очень низко наклонены спина и голова. Они все время следили за этим, во время допросов у меня руки были скованы наручниками, то сзади, то спереди. Они следили, когда я пытался пошевелиться, когда у меня нос зачесался, они меня одергивали резко, чтобы я не рыпался.

После очередного допроса они открыли окно, а там в это время на площади Свободы происходил митинг, и он был просто грандиознейший, и я слышал очень четко, что происходило там. Я ощущал растерянность тех, кто меня допрашивал. Они говорили: мы пришли защищать этих людей, а они ходят и кричат, что-то непонятно.

Нас всех допрашивали в отдельных кабинетах. Там в первый раз за сутки разрешили сходить в туалет. Мне дали небольшой стакан воды в субботу вечером, и в воскресенье днем тоже дали попить немного воды. После допроса нас отвезли в какой-то, как мне показалось, следственный изолятор.

Я находился один. В каждой камере там был туалет и вода, то есть пить можно было. Краник с раковиной. Но не было ни туалетной бумаги, ни мыла, ни полотенца, ни сменной одежды, ничего этого не было, спали на голых нарах. В первые несколько дней было очень холодно, потому что был мороз, особенно по ночам, я замерзал. Потом стало лучше, потому что чуть-чуть грела батарея, в последние дни было уже намного легче. Первый раз дали покушать

в понедельник днем, 350 грамм — каша пшенная с мясом, потом в следующие дни давали то одну, то две порции в день.

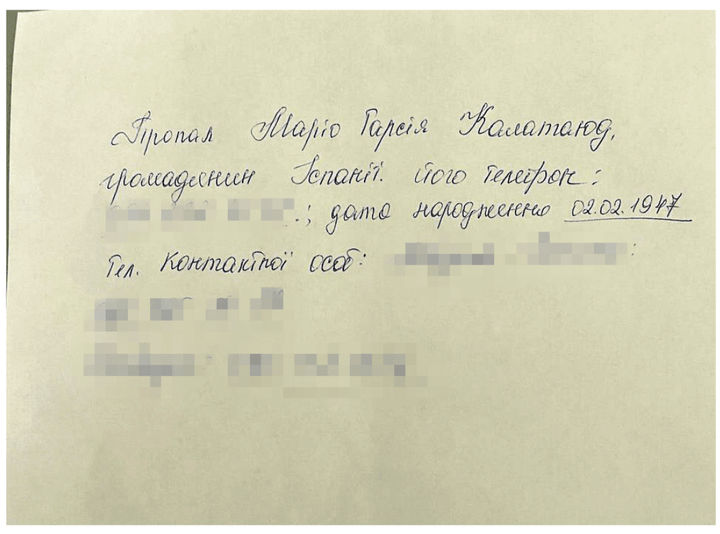
Они там постоянно допрашивали людей, допрашивали и меня, это все происходило в разное время. Я так понял, что в течение нескольких дней эти изоляторы пополнялись новыми людьми, и постоянно вели допросы. Я слышал, как избивали людей. Их выводили и избивали в отдельном помещении, а некоторых избивали прямо в камерах. Некоторых избивали несколько дней подряд. Я не могу судить, потому что я не видел, я могу опираться только на то, что я слышал. По моим ощущениям, их дико избивали, до полусмерти. Я очень надеюсь, что эти ребята выживут.

Все, что происходило в изоляторе, было похоже на какое-то запугивание. Более-менее профессиональные допросы были в первый и во второй день. А потом все это было какое-то хаотическое. У меня спрашивали, когда День Победы, и что вы тут, в Украине, День Победы уже не отмечаете. Спрашивали, когда началась Великая Отечественная война, когда она закончилась, кто с кем воевал.

И на восьмой день утром мне сказали «собирайте вещи, мы вас отвезем домой». Говорили: «Зачем вы ходите на митинги, зачем вам это нужно, зачем вы будоражите народ, зачем вам эта ерунда, сидите спокойно, мы пришли вас спасать, а вы тут чего-то бунтуете».

Я сейчас с семьей. Боль ощущаю. Мне больно, потому что я люблю Херсонскую область. Я не такой судьбы хотел себе самому или своим близким.

С начала оккупации в горсовет поступили заявления о 44 пропавших людях. Трое женщин, один гражданин Испании. Пятеро из пропавших исчезли на площади Свободы, там, где проходят мирные митинги против оккупации. Остальные были похищены на улицах, на блокпостах, из квартир.

Пропал Маріо Гарсія Калатаюд, громадянин Іспанії. Його телефон: [redacted]; дата народження 02.02.1947
Тел. контактної особи: [redacted]

Гражданин Испании Марио Гарсия Калатаюд, активный участник мирных митингов на площади Свободы, пропал без вести. На фото — заявление в горсовет

По сообщениям херсонцев, похитители активно разыскивают сотрудников СБУ, ветеранов АТО, активистов, волонтеров, ведущих телеграмм-каналов.

Из заявлений жителей Херсона в горсовет:

«Взяли в плен трех мужчин из села Змиевка Бериславского района, которые передвигались белому Форду Бусику, их женщины звонили многократно на телефоны и через несколько часов неизвестные взяли трубку и сказали, что ваши мужчины в плену в каком-то русском штабе. Также забрали сына одного из мужчин и его товарища, отправившихся на поиски, это произошло на отрезке трассы между селом Червоный Маяк и Змиевка».

«21.03.2022 к нам домой зашли орки, предварительно начав ломать двери. До этого они заходили в другие подъезды и искали моего мужа там. Когда они пришли, мой муж спрятался и они допрашивали меня с ребенком, потом дозвонились мужу и сказали идти домой. Он пришел на него одели наручники и шапку на глаза и увезли в неизвестном направлении. Муж состоит в минуципальной варте (охране — Е.К.). Их было 5 человек и 2 возле подъезда».

«Ехали домой на Чаплинку, доехали до Чернобаевки и пропали. Месяц уже ищем, были на машине Опель Астра».

«Утром позвонила по телефону мать курсанта и проинформировала, что курсант не вернулся с митинга».

«Из съемной квартиры военные России забрали наших детей с мешками на головах. Возле дома стояли два джипа, микроавтобус и урал со знаком Z».

«Сын вышел из дома вместе с другом, и пошли посмотреть на последствия боевых действий в нашей местности. Больше их никто не видел с того дня. Телефон выключен, не выходил на связь».

«Люди в масках, с оружием в руках, забрали моего младшего брата. Увезли в неизвестном направлении».

«Пропала человек. Уехала из Антоновки на рынок, была без средств связи, в 12:00 последний раз вышла на связь с семьей. Сказала, что стоит в очереди и скоро будет возвращаться домой. Была одета в дутое пальто

стального цвета с мехом, джинсы и за сапожную обувь с мехом».

«Пропала сестра и ребята, с которыми она снимала квартиру. Люди в российской форме с буквой з и авто с буквой з».

«Мы шли с сыном за покупками, на блокпосту оркам что-то не понравилось в телефоне сына, они его забрали и сказали, что он позже со мной свяжется, но так никто и не связался на сей момент».

«Мой Папа и два брата ехали домой. Заехали в Чернобаевку и пропали».

«12 марта ворвались военные РФ в квартиру, где я живу у своего родственника, и провели допрос, запугивали и угрожали расправой!»

«Искали оружие, проверяли мое причастность к "национальному корпусу", теробороне, ВСУ и другим войскам специального назначения, думали выявить мое причастность к организации митингов, где я был только один раз 5 марта, думали, что я администратор националистической группы. За то, что я пошел на митинг 5 марта, угрожали отрезать ногу или прострелить ее».

«Исчез мой брат. Умоляю, помогите. Ибо ночные звонки от мошенников с требованием выкупа сведут с ума».

«5-го марта около 12-13:00 Саша и Женя и еще несколько мужчин стояли в центре села. К ним подъехали русские солдаты на «тиграх» и стали

проверять телефоны. У Саши и Жени нашли какую-то информацию и забрали их. Когда забирали, сказали, что вернут. Увезли в сторону Херсона по полевым дорогам. Затем включили их телефоны, и мы стали им писать и звонить. На сообщения отвечали, что отпустят и все будет хорошо, потом подняли один раз трубку и тоже сказали, что отпустят. Обещали отпустить. 7 марта, перестали отвечать и уже не читают сообщения».

«Исчез мужчина, украли военные РФ, черный бус, надели черный пакет на голову и вывезли».

«Около 10 утра 16.03.2022 в дом вошли российские военные. После проверки тату (их не было) и телефона (телефон несколько раз блокировался автоматически во время проверки, это очень не нравилось проверяющим) Максима забрали для дальнейшей беседы. По информации от соседей, по дороге его избили и вместе с еще одним мужчиной вывезли в неизвестном направлении. Вывезли, но куда именно выяснить невозможно».

«Был на мирной акции протеста город Херсон»,

«Пропал отец в понедельник 21.03.23, пошел на митинг и не вернулся».

«Моего мужа похитили 9 марта. Утром исчезли также его знакомые <ÿ.ÿ Они звонили по телефону родным и сказали, что находятся в плену российских оккупантов».

«Связь с ними пропала после русского блок поста».

«Телефоны переодически начали появляться в связи, но когда звоним, гудки идут, но трубку не берут. Потом вообще не в сети. Мы начали писать смс им на телефоны, в ответ приходят «жив, здоров, скоро будет дома». Мы не знаем, где они и что с ними».

Вероятное здание секретной тюрьмы, организованной на месте ИВС (улица Теплоэнергетиков, дом 3), где удерживают похищенных людей. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Несколько людей вернулись. Мне удалось поговорить с ними и установить местоположение «тюрьмы». Это здание СИЗО и детского приемника-распределителя — улица Теплоэнергетиков, 3. Перед тем, как российские войска заняли Херсон, власти города перевезли арестантов в колонию, здание было пустым. Теперь его заняли российские военные. Похищенные одинаково описывают вид из окна, расположение и обстановку камер. По их словам, в «тюрьме» сейчас находятся и двое иностранцев — граждане Испании и Нидерландов. Гражданин Нидерландов, со слов других «заключенных», болен и находится при смерти.

Митинг

Митинги против оккупации проходят на площади Свободы. Каждый день, в полдень.

Самые большие митинги бывают по воскресеньям.

Люди собрались через дорогу от Облсовета, напротив кинотеатра Украина. 500 человек, и толпа продолжает расти.

Украинский флаг — главный символ. Флагов много. Люди держат их в руках, поднимают в небо, накидывают на плечи, девушки вплетают желто-синие ленты в волосы.

На асфальте растянули нарисованное цветочное поле. Священник держит икону Святого Владимира. Немолодая пара разворачивает самодельный плакат — «Украина вам не по Zубам». Совсем юные цветными мелками пишут на плакате: Родину за гречку не продаем. На защитной сетке на дорожном ограждении написали — «Слава ВСУ, смерть ворогам». По толпе гуляют два мегафона.

— Одна! Едина! Соборна Украина!

Люди поют гимн, прижав правую руку к сердцу.

Митинг против войны на главной площади Херсона — каждый день в 12:00. Самые массовые — по воскресеньям. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Движение, толпа увидела, что на противоположной стороне два военных задерживают парня в коричневой куртке.

— А! Отпускай!

Люди перелезают через заграждение, перебегают дорогу. Военные машины с маркировкой Z выезжают из-за Облсовета на Ушакова, и часть толпы отделяется, перегораживает машинам путь — и машины пятятся. Люди останавливаются у ежей, сваренных из рельс. Между ними и военными — 80 метров. Граница, за которую никто не переступает.

На ежи пожилая женщина прилаживает куколку-младенца и плакат «Рашисты — убийцы детей».

— Хотите нашу землю заграбастать? Сволочи, вы! — кричит женщина лет 50 в мегафон.

— Убийцы детей! — подхватывает толпа.

В ответ военные выносят колонку и включают музыку. Играет гимн Советского союза.

Митингующие тоже находят колонку. Играет гимн Украины.

Музыкальная дуэль продолжается. Россияне включают «Встаньте, дети, встаньте в круг», «И Ленин такой молодой», «Я на солнышке лежу».

— Иди домой, пока живой! — кричит толпа.

Российский военный пританцовывает под крики.

— Какое-то водяное перемирие, — говорит женщина с перевязанными лентой волосами.

— Война, а не перемирие с орками! — одергивает совсем молодой парень.

— Водяное, водяное перемирие. Речка одна, всем надо пить. И город один, и они тут, и мы.

В ночь с воскресенья на понедельник «водяное перемирие» было нарушено. Перед горсоветом есть стела с украинским флагом, в основании — портреты погибших на Донбассе херсонцев. Кто-то написал на портретах, красным по лицам — «ВСУ — убийцы детей Донбасса».

В понедельник митингующих собралось немного, меньше сотни человек. Люди перешли дорогу и начали стирать надпись с портретов. Успели стереть две буквы. Российские военные открыли по толпе стрельбу светошумовыми и газовыми гранатами. Один мужчина упал и остался лежать — по левой ноге быстро текла ярко-красная кровь.

Светошумовые и газовые гранаты — спецсредства против участников митинга на площади Свободы. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Его увезли в больницу. Ранения оказались пулевыми — но, со слов врачей, стреляли, вероятно, пневматикой или резиновыми. Ранений оказалось несколько, большинство оставили ссадины, но одна пуля прошла навылет и повредила большеберцовую кость на голени, перебила идущий внутри сосуд.

На следующий день митингующие вышли вновь. Их оказалось еще меньше — не более 60 человек. Мегафона никто не принес. Люди кричали: Идите домой! Пели гимн. Тех, кто кричал оскорбительное, называли провокаторами и зашикивали. Один из автозаков двинулся вперед и произнес: «Уважаемые граждане! Кто не разойдется в течение пяти минут, будет задержан». Люди остались стоять. Кричали: «Не розуміємо!». Машины на Ушакова подбадривали их гудками. Через улицу, перед белой обладминистрацией, выстраивалась линия российских военных — 80 человек. Они стояли уверенно, переминались с ноги на ногу. Торопливости в их движениях не было.

Газовая граната летит с шорохом. Взрыв, свист, граната падает на ступеньку кинотеатра, дымит. Люди стоят, и гранаты летят опять. Одна попадает в бок мужчине, он начал задыхаться. Его тащат под руки, кладут на лавочку, ждут скорую.

Скорая увозит мужчину, в которого попала газовая граната. Фото: Елена Костюченко / «Новая газета»

Люди убегают в переулки. Продышавшись от газа, возвращаются на площадь вновь и вновь. Кричат, уже не выбирая слов. В них стреляют.

Мэр Херсона Игорь Колыхаев приказал повесить на горсовете новый украинский флаг — пятиметровый,

он закрывает несколько этажей. Старый, выгоревший, выцветший, убрали со здания.

---

1. РПГ-18 «Муха».

2. Имя изменено.

3. 86 рублей.